

Катя Сенне

ГЕНДЕР, ТЕЛЕСНОСТЬ И БОЛЕЗНЬ В СОВРЕМЕННОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Для современного российского общества тема детской болезни и инвалидности остается одной из самых проблематичных и табуированных. В предлагаемом исследовании на примере современной русской детской литературы прослеживается эволюция сюжета о детских заболеваниях и травмах через призму культурных репрезентаций маскулинности и феминности, а также обращается внимание на кросс-гендерные стратегии поведения ребенка в ситуации травмы, болезни или инвалидности как своей, так чужой. В советский период официальный дискурс инвалидности делал акцент на телесных увечьях и, как следствие, на недееспособности представителей данной категории быть полноправными членами общества, вне зависимости от пола. В XXI в. культурные установки относительно инвалидности претерпевают значительные изменения, что находит отражение и в литературной рефлексии. В статье ставится вопрос о том, какие стратегии преодоления/проживания инвалидности предлагает современная детская литература, как инвалидность персонажа коррелирует с его полом и гендерными установками общества. Делается акцент на том, каким образом понятия о феминности и маскулинности, транслируемые детской литературой, позволяют переосмыслить и расширить восприятие инвалидности ребенка.

Ключевые слова: инвалидность, травма, болезнь, инвалидизм, гендер, маскулинность, феминность

В современной культуре наблюдается процесс перестройки ряда устойчивых стереотипов, в том числе в таких сферах, как психология, философия, литература, где обсуждается соотношение пола

Катя Сенне
Университет Клермон Овернь,
Клермон-Ферран
katia.cennet@hotmail.com

(биологической константы) и гендера (социальной идентификации). Тема болезни и инвалидности ребенка в свою очередь является одной из самых сложных и еще недавно почти полностью табуированной для современного российского общества. Мы предлагаем рассмотреть телесные репрезентации больного или травмированного ребенка через призму гендерных стереотипов и их эволюции в современной русской детской литературе.

Произведения, послужившие материалом для исследования, были отобраны с помощью серии поисковых запросов по Корпусу русской прозы для детей и юношества [Маслинский, Лекаревич, Алейник 2021]. Поиск производился по ключевым словам: *инвалидность, инвалид, инвалидное кресло, инвалидная коляска, травма, повреждение, болезнь, заболевание, болеть, синдром, хронический, психический, самоубийство*¹. Для ограничения исследовательского поля мы брали только те произведения, где изображаются случаи тяжелых травм, хронических заболеваний и инвалидности. В результате поиска была сформирована выборка из 25 текстов советского периода (см. список в Приложении 1) и 38 текстов постсоветского периода (Приложение 2), соотносящихся с темой болезни и/или инвалидности. Эта выборка дополнена 22 текстами, входящими в сборник «В каждом человеке солнце». В сборнике представлена проза непрофессиональных писателей — победителей литературного конкурса, проведенного Международным благотворительным фондом «Окно в мир» в 2019 г. Специфика этого сборника, с одной стороны, состоит в том, что все авторы имеют непосредственный опыт общения с детьми-инвалидами (работники медицинских структур, родственники или люди, имеющие свой собственный опыт заболеваний/травм). С другой стороны, с точки зрения создания текстов мы имеем дело с социальным заказом, когда определенная тема выносится в пространство общественного обсуждения, а литература становится полигоном для дискуссий.

В нашей работе категории «гендер» и «инвалидность» рассматриваются в качестве единого предмета исследования, каждая из которых формирует определенную социальную идентичность и репрезентирует черты маскулинности и феминности. Современная наука предлагает ряд инновационных интерсекционных интерпретаций этих категорий, в том числе и в связи с амбивалентным отношением к проблеме инвалидности, табуированности некоторых ее аспектов. Ряд исследователей (M. Fine и A. Asch, R. Shuttleworth, E. Стрельник) констатируют неизбежный конфликт категорий гегемонной маскулинности и социальной модели инвалидности:

Официальный и повседневный дискурсы инвалидности основаны на «бесполой модели»: существует обобщенное представление об инвалидности, которое игнорирует разнообразие идентичностей и жизненных практик женщин и мужчин с инвалидностью. Подобная «гендерная слепота» является следствием широко распространенного в постсоветском контексте медикалистского дискурса, в рамках которого инвалидность рассматривается как дефект (или совокупность дефектов), который ограничивает трудоспособность индивида и априори обуславливает потребность в его социальной защите [Стрельник 2016, 216].

Мы предлагаем сопоставить существующие модели социальных идентичностей и рассмотреть схему реализации гендерных стереотипов на примере текстов современной русской детской литературы, где предметом интереса является изображение инвалида-ребенка. Сначала мы рассмотрим тему травмы/болезни в корреляции с гендерными категориями маскулинности и феминности, а также гендерной идентичности там, где она связана с образами *главных* героев. Затем мы рассмотрим, как связаны понятия гендера и инвалидности в страте второстепенных персонажей.

Анализ корпуса текстов советского и постсоветского периодов дает нам следующее распределение по биологическому полу: 59 персонажей-мальчиков и 37 персонажей-девочек (включая тексты сборника). Однако, если рассматривать эти репрезентации во временной динамике, картина претерпевает значительные изменения. Если в советский период наблюдается полный гендерный паритет: на 16 мальчиков приходится 15 девочек, то в современных текстах насчитывается 45 мальчиков и 30 девочек. Распределение персонажей по типу заболеваний (см. Табл. 1) позволяет констатировать, что советские писатели отдавали предпочтение описанию физических травм/нарушений моторики у мужчин и мальчиков (87 % мальчиков и 67 % девочек).

Таблица 1. Распределение персонажей по типу заболевания и по полу в произведениях советского периода (1930—1990)

нарушение	мальчики		девочки	
	персонажей	%	персонажей	%
травма	14	87%	10	67%
заболевание	2	13%	4	27%
псих. синдром	0		1	6%
итого:	16	100%	15	100%

По большей части в советской литературе речь идет о распространенных заболеваниях, с которыми эффективно боролась советская медицина, таких как полиомиелит и костный туберкулез. Также в эту категорию входят ранения, полученные в военный период. Советская модель изображения инвалидности в детской литературе, проанализированная автором статьи в работе [Сенне 2020], пыталась подогнать данную категорию под критерии идеальной маскулинности (физическая и духовная сила, инициативность, агрессия). В рамках этой модели осуществляется стратегия *зависимости*, то есть «стремление любой ценой следовать нормам гегемонной маскулинности: инвалидность рассматривается как недостаток, который нужно победить» [Стрельник 2016, 219].

У персонажей-девочек наблюдается больший, чем у мальчиков, процент внутренних хронических заболеваний (порок сердца, повреждение зрения), что также вписывается в обозначенную советскую модель, где болезни функционального характера признаются нелегитимными в рамках гегемонной маскулинности, но допускаются в рамках гендерной категории, маркированной как «слабый пол». Инвалидность и болезнь как таковые в советских текстах не являются предметом литературного интереса, они выступают в основном частью сюжетной схемы, в качестве иллюстрации принципа героического преодоления и борьбы по лекалам героев Н. Островского или Б. Полевого [Сенне 2020].

Выборка произведений показывает отчетливую количественную динамику литературных репрезентаций больного ребенка с советского по современный период. Стабильно низкий интерес писателей к теме (по данным ДетКорпуса, начиная с 1930-х гг. и вплоть до 2000-х гг., в нашу выборку попадает не более 8 произведений за десятилетие) остается таковым вплоть до последнего времени, тогда как за период с 2010 по 2020 гг. насчитывается уже 28 произведений, а с учетом текстов из сборника «В каждом человеке...» — 50, то есть 60 % от общего количества по двум периодам. Интерес современного общества к ранее табуированным темам телесности, смерти или болезни отразился и на стремлении писателей выбирать эти темы как предмет диалога с читателем-ребенком. Исходя из этого, можно предположить, что и гендерная идентичность персонажа ребенка-инвалида претерпевает определенные изменения на фоне общественных процессов последнего десятилетия.

В современной литературе совершается заметный прорыв в репрезентации всех типов детских недугов, особенно за счет внут-

Таблица 2. Распределение персонажей по типу заболевания и по полу в произведениях постсоветского периода (1991—2021)

нарушение	мальчики		девочки	
	персонажей	%	персонажей	%
травма	19	42%	12	40%
заболевание	11	25%	10	33%
псих. синдром	15	33%	8	27%
итого:	45	100%	15	100%

ренных заболеваний и психических отклонений. В результате распределение по типу нарушений становится более пропорциональным. При явном гендерном разрыве по количеству травмированных персонажей (45 мальчиков на 30 девочек), в обеих группах по-прежнему лидируют физические травмы, тогда как в категориях заболеваний и психических расстройств между двумя группами наблюдается обратная пропорция (Табл. 2). Сравнение распределений по типу заболевания в текстах советского и постсоветского периодов не позволяет выявить гендерную дифференциацию — здесь одинаково и мальчики и девочки заточаются в гипсовые корсеты и лежат в гипсовых кроватках, ездят в инвалидных колясках.

Инвалидность и маскулинность: «атакованная идентичность»

Современные исследователи отмечают тот факт, что традиционная, так называемая «гегемонная», модель маскулинности (сила, активность, агрессия) входит в неизбежный конфликт со стереотипами инвалидности (немошностью, зависимостью, пассивностью). Американский антрополог Р. Мерфи назвал это «атакованными идентичностями» (*embattled identities*) из-за конфликта экспектаций относительно маскулинности и инвалидности. Он так пишет о собственном опыте инвалидности: «Для мужчины слабость и атрофия тела являются угрозой всем культурным ценностям маскулинности: силе, активности, скорости, смелости, выносливости, силе духа» [Цит. по: Стрельник 2016, 218].

С точки зрения устоявшихся культурных и литературных стереотипов подразумевается, что мальчики должны занимать активную жизненную позицию, символизированную движением. Такой активный герой-ребенок, лишенный в силу травмы/болезни своей «тимуровской» функции лидера/спасателя, должен компенсиро-

вать ее какими-то сверхкачествами, как, например, мы можем это видеть в повестях Н. Вишняковой «Не плачь» (2020) или Т. Поповой «Тот, кто спасает» (2019). В обоих случаях повреждение моторной функции (мальчики в инвалидной коляске) компенсируется другими сильными чертами, например, оптимизмом и развитой эмпатией героя. В повести «Не плачь» Вишнякова разрабатывает литературную схему «двойников», согласно которой из двух братьев-близнецов, разлученных в детском возрасте, именно брат-инвалид воспринимается как наиболее полноценный. Мальчик по имени Костя обладает особым оптимистичным восприятием жизни, таким мышкинским сверхвидением, и эти необыкновенные качества как бы аннулируют его физическую ущербность, тогда как «здоровому» брату — Владу — предстоит пройти ряд испытаний, чтобы выйти на уровень духовного совершенства своего близнеца. Подобным же образом в повести с символичным названием «Тот, кто спасает» («В каждом человеке...») главный персонаж наделен рядом сверхкачеств. Мальчик «спасает» девочку-подростка с суицидальными наклонностями:

Невидимая смогла разглядеть небольшую комнату и кресло. Инвалидное. В кресле сидел мальчишка со странно вывернутыми ногами. А лицо у мальчишки было обыкновенное, даже симпатичное. Он молча рассматривал Невидимую серьезными серыми глазами.

— Что с ним — Невидимая перебила Ксюшу.

— ДЦП. Ваня не любит об этом... Считает, что на свете есть более интересные темы для разговора. — Ксюша впервые улыбнулась.

— А как же плавание? Картины? Танцы? Он все врал?

— Ваня, по-моему, вообще никогда не врет!— Теперь в Ксюшином голосе звучало возмущение. — Он отлично плавает. Картины, как мне известно, ты видела в Интернете. Кстати, ни на одном конкурсе, где он побеждал, жюри не знало о его инвалидности, так что все по-честному.

— А танцы?

— Танцы — тоже правда [Попова 2019]².

В повести Н. Дашевской «Я не тормоз» (2016) перелом ноги на время приостанавливает стремительное движение Игната, мальчика с синдромом дефицита внимания и гиперактивности, чья жизнь проходит в ритме движения самоката. Внезапная остановка диссонансом звучит на фоне непрерывного стаккато речи подростка. Характерным образом именно девочка, подруга Игната, предлагает подростку посмотреть на травму не как на препятствие (маскулиная стратегия преодоления), а как на вынужденную

паузу, передышку, необходимую для размышления и переоценки жизненной позиции: «Это же не просто так, — сказала она. — Ты слишком быстро бежишь. Для чего-то тебе нужна эта остановка. Это не наказание, понимаешь? Остановка» [Дашевская 2016]. Таким образом феминная модель поведения (размышление, статичность) помогает мальчику позитивно переосмыслить физическую травму.

В группе мальчиков также наблюдается ряд «синдромов», практически отсутствующих у девочек и составляющих основную часть подгруппы психических отклонений у мальчиков. Телесный, визуальный аспект заболевания здесь полностью устраняется. Изображая таких персонажей без явных физических изъянов, авторы предлагают читателю рассмотреть болезнь/травму не как изъян или неполноценность, а как *инаковость*, когда враждебная и непонятная категория «ненормального-чужого» переходит в более приемлемую категорию «незнакомого-другого». Более того, такие герои зачастую представляются опять-таки не как ненормальные, а как сверхнормальные, наделенные сверхкачествами, что позволяет смягчить конфликт маскулинности и инвалидности. В трех фэнтезийных повестях Е. Мурашовой «Изюмка» (1992), «Класс коррекции» (2004) и «Дом за радугой» (2020) все три героя страдают от загадочного синдрома, прямо никак не обозначенного (подразумевается, что все три мальчика, вероятно, обладают уникальными способностями), который никак не умаляет их качеств супергероев, но как бы выталкивает их из «нормированного» мира, одновременно притягивая к ним других «инаковых» детей с различной степенью дисфункциональности, но гораздо более выраженной физически и психически. Герой здесь является одновременно и гайдаровским Тимуром, и античным Прометеем — защитником униженных и оскорбленных детей, их проводником между мирами.

Повесть Н. Дашевской «День числа Пи» (2018) обыгрывает пушкинский сюжет о Моцарте и Сальери, где юное музыкальное дарование — мальчик Кирилл (Сальери), вступает в соперничество слевой, страдающим синдромом Аспергера, гением, в том числе и в сфере музыки. Именно этот «в том числе» музыкальный, то есть практически неосознанный талант и удручает больше всего «нормального» героя, вынужденного достигать результата тяжелым повседневным трудом и осознавать, насколько тривиальны его способности, пусть даже и ярко выраженные. Повествование ведется попеременно от лица обоих мальчиков, что позволяет читателю познакомиться с «иным» миром Левы, с его уникальным

взглядом на жизнь и необыкновенными талантами, постепенно примиряющими двух юных музыкантов. Схема «Моцарт vs Сальери» в конечном счете распадается, ибо каждый ребенок получает право на признание собственной уникальности.

Выше обозначенные схемы не подразумевают интереса к теме инвалидности в ее телесном аспекте. Увечное тело по-прежнему изображается условно-схематично, не являясь основным предметом интереса автора. В повести В. Крапивина «Самолет по имени Сережка» (1993) мальчик Рома живет в относительно стерильном, безопасном пространстве, окруженный заботой и благожелательным участием соседей, семьи и друзей по двору. Его страдания ограничиваются одиночеством, отсутствием близкой души, тогда как телесный аспект инвалидности остается за кадром. В эпизоде, в котором мальчик смотрит на свое отражение, описывается подчеркнуто «нормальное» тело мальчика: «С нерасчесанными темными волосами, с надутым от недавних огорчений лицом, в белой футболке со штурвалом и надписью „Одесса“, в мятых синих шортах со старомодным пионерским ремешком, в новеньких кроссовках (у них никогда не будут стерты подошвы, но сейчас это *не важно*). С длинными, *совсем нормальными на вид ногами*. Они даже и не очень худые. И успели загореть, как у всех мальчишек, потому что я подолгу торчу на солнечном балконе» [Крапивин 1993]. Текст относится к серии «Сказки и были Безлюдных пространств», объединенной образами героев-детей, способных видеть *инаковость* миров. По сюжету мальчик-инвалид Рома встречает родственную душу, Сережу, способного превращаться в самолет. Сережа не замечает физической неполноценности друга, «слушает без жалости в лице, но с пониманием», зато «видит» его «иную», родственную ему душу [Там же]. Вместе с Сережей-самолетом Рома отправляется в путешествие — сначала по соседним улицам в инвалидном кресле, затем на крыльях самолета Сережки, открывшему инвалиду границы безлюдного пространства. Здесь обряд инициации происходит в порядке, обратном привычному, — из реального пространства несвободы, ущербности Ромы в свободное пространство фантазии, где все оказывается возможным, в том числе и излечение ног мальчика. В итоге сказка «выталкивает» из себя героя, пересилившего свой страх и неверие. Вера Ромы в реальность сказочного пространства награждается возвращением способности ходить, но мальчик утрачивает способность летать. Идентичная сюжетная схема прорабатывается в нашумевшей в 2000-е гг. сказочной повести Е. Мурашовой «Класс коррекции».

В то время как телесность по-прежнему остается в «слепой зоне» русской детской литературы, эмоциональный аспект начинает все больше привлекать внимание современных авторов, что, по нашему мнению, свидетельствует от сдвиге маскулинности в сферу «неидеальной», т. е. феминной сферы. Так, например, в повести К. Стрельниковой «День глухого кита» рассказ начинается с традиционного конфликта подростка с окружением, когда главный герой разбивает антикварный заварной чайник, нежно любимый престарелой тетей:

Какое мне дело до заварника? Тетя полдня рыдала. Какое мне дело до тетиных рыданий? Это был подарок от ее подруги. Какое мне дело до этой ее подруги? Я с ней даже не знаком.

Но все смотрели на меня и чего-то ждали. Я сел за стол напротив этих насупленных бровей. Кот прислонился к моим ногам с видом: все знаю, но не скажу. Я попробовал улыбнуться, и зря. Они что, серьезно? И этих людей я хотел подключить к своему плану спасения!

Хотелось крикнуть: «Эй, люди, что у вас в голове? Неужели эти плесневелые заварники?» [Стрельникова 2019]

Подросток оказывается неспособным понять и расшифровать причину конфликта — разбитый старый чайник тетки, память о дорогом человеке. Но разум мальчика, неспособный уловить сути проблемы содеянного (у него-то в голове — план по спасению китов от китобойного промысла), цепляется за детали, уводя его еще дальше, вглубь себя, где мальчик теряет связь с окружающей действительностью. Эмпатия, способность поставить себя на точку другого, возможна только если эта точка ребенку доступна, понятна. Неспособный поставить родителей и окружающий мир на свою точку, мальчик, как кит, погружается в океан тишины. Внезапная глухота (очевидная психосоматическая реакция) погружает нас во внутренний мир подростка, наполненный очень различными эмоциями. Лишенный традиционных инструментов коммуникации, главный герой вынужден учиться воспринимать и понимать мир по-другому. Внутренний диалог героя, как и его поступки, подчиняются эмоциональной цепочке: усталость, равнодушие воспринимаются взрослыми как агрессия, так как нарушается представление взрослых о послушном и сожалеющем ребенке. Схема идеальной маскулинности здесь предлагается мальчику через сравнение его с «примерными» детьми:

Словесные пули все еще летят мне в спину. Вот у тех-то друзей, у которых еще дочка уехала за границу и училась с той самой тетиней

знакомой, которую мы встретили в магазине, ну тогда, когда мы еще поехали на день рождения к теперешней жене бывшего мужа этой самой... В общем, у них-то такой сын, что и учится отлично, и спортом увлекается, и родителям помогает. Вот за него не стыдно! А за меня всем приходится краснеть.

—Так не краснейте. Или смените сына! Вот так вот, — советую я.

Но слова гудят, что это мне нужно измениться, это мне, мне. Одно слово попало мне в спину, и я почувствовал его колкость. Другое слово застряло у меня в ухе и свистит, и сверлит мозг. Да сколько там еще слов в арсенале? [Стрельникова 2019]

Читатель испытывает эффект погружения, когда текст содержит только мысли и чувства мальчика, ибо все остальное окунуто в тишину. Исчезает посторонний, внешний взгляд, а также суждения и привычные моральные ориентировки: плохо, хорошо. Агрессия, фрустрация, потерянности все-таки находят выход — мальчик совершает «плохой» поступок, бьет любимого кота и ломает ему зуб.

Тогда я размахнулся и ударил его. Даже не успел подумать ни о чем. Я дал ему в нос, кажется. Кот клацнул зубами. А пусть не лезет. Маленький тупой волосатый мешок!

Кот опустил морду к самому полу и отполз в угол. Вот так вот. Хоть доставать не будет, подлиза! [Стрельникова 2019]

В этой ситуации герой сопротивляется двойной стигматизации его идентичности: с одной стороны, навязываемой ему медицинской модели вечности, а с другой — нормативной маскулинности. Казалось бы простая на первый взгляд аналогия — разбитая посуда, разбитая морда животного — неожиданно становится ключом для восстановления равновесия. Для мальчика у людей, убивающих китов и плачущих над чайником, логики нет, а у кота есть — даже если это еда и ласка. Эмпатия находит свой путь через понятные, простые и «невзрослые» категории. Разбитый заварник символически будет «склеен» — мальчик купит тетке новый чайник, как только «поймет», включится в логику своих взрослых, а «идеальные», ставшие наконец неидеальными родители восстанавливают равновесие, «включаясь» в проект сына по спасению китов.

Обездвиженные принцессы и феминная маскулинность

Если в категории героев-мальчиков на первый план выходит конфликт преодоления инвалидности как ущербности и мо-

тив испытания на прочность, то в группе персонажей-девочек мы наблюдаем определенные сдвиги в парадигмах одновременно гендера и инвалидности. Дж. Гальберстам в своем исследовании «Female Masculinity» утверждает, что категории маскулинности/мужественности (masculinity/masculinities) не обязательно связаны с телесностью в ее мужском выражении, «что женская маскулинность не является имитацией мужественности (maleness), она позволяет нам взглянуть на то, как конструируется маскулинность как маскулинность. Другими словами, женская маскулинность представлена как отвергнутые обрывки доминирующей маскулинности для того, чтобы мужская маскулинность могла казаться настоящей» [Halberstam 2018]³. Для нашего исследования такой фокус восприятия категории альтернативной маскулинности представляется весьма продуктивным, так как позволяет наиболее четко обрисовать восприятие инвалидности именно в аспекте социальной и гендерной идентичности.

Мы уже сказали, что в категории нормативной маскулинной инвалидности в большей степени допускаются телесные повреждения, связанные с базовыми представлениями о каноническом поведении мальчиков, то есть повреждения, полученные в результате драк, героических приключений, спортивных достижений. Что касается группы девочек, то героини с физическими увечьями (девочки в инвалидной коляске) встречаются как в советский, так и в современный периоды по большей части в жанровой категории романов для девочек: «Солнечное затмение» А. Лиханова (1977), «Костя+Ника» Т. Крюковой (2001), «Страдания юного хаке-ра» В. Романова (2002), «Точка бифуркации» Н. Пономарева (2019). В этих произведениях героиня в инвалидной коляске практически всегда является предметом внимания главного героя, однако ее персонаж менее важен, чем герой-мальчик. Основное внимание авторы фокусируют на чувствах, которые он переживает, на его взрослении. В текстах, где присутствует любовная коллизия, физические увечья девочек тоже компенсируются набором необыкновенных качеств, гипер-феминностью: удивительной красотой («пшеничные косы вокруг головы и синие огромные глаза — как на иконе, в пол-лица» [Лиханов 1977], недетской пронизательностью и рассудительностью и т. д. Увечность девочки (и в этом случае она не обязательно моторная) также может быть своеобразным катализатором духовного процесса героя, которому тяжелый опыт подруги помогает преодолеть собственные страхи и сомнения (А. Петухов «Девушка с ограниченными возможностями», Е. Бодрова «Разговор через

стенку больничной палаты», А. Жвалевский, Е. Пастернак «Минус один»). В отличие от маскулинной категории, персонажи-девочки пассивны, обездвижены, заточены в башню одиночества, из которой их должен освободить влюбленный герой, прошедший ряд испытаний. В эту группу входят также персонажи девочек с внутренними, то есть «невидимыми» заболеваниями, не разрушающими стереотип «прекрасной девы». Так на 4 случая внутренних заболеваний у мальчиков (одно заболевание астмой, два случая слепоты и один случай временной глухоты) приходится 12 персонажей-девочек с пороком сердца, шунтом, двумя случаями онкологии и показательными восьмью случаями слепоты и глухоты. Телесный аспект опять-таки выносится за рамки описания, что указывает на тот факт, что образ неподвижной (или обездвиженной), обессиленной недугом, но неизбежно прекрасной девочки-принцессы, остается устойчивым литературным клише. Подобная схема феминности совпадает со стереотипами патриархатной гендерной культуры, транслируемой, например, народными сказками как русскими, так и европейскими [Здравомыслова, Герасимова, Троян 1998].

Здесь мы хотели бы остановиться на еще одном аспекте конструирования категории инвалидности в современном культурном пространстве: на феномене *инвалидизма* (disablism). Британский социолог Л. Доминелли определяет инвалидизм как «социально конструируемую форму угнетения людей, имеющих недостатки, теми, кто здоров телом» [Доминелли 2004, 32]. Доминелли выделяет следующие черты инвалидизма: «патернализм, предпочтение голоса эксперта голосам людей с инвалидностью, медиализация инвалидности с акцентом на исцеление, заботу или реабилитацию, отрицание инициативы инвалидов и их возможности действовать» [Доминелли 2004, 38–39].

Как и в случае героя «Я не тормоз» [Дашевская 2016], изменения в манере изображения категории детской инвалидности осуществляется в литературе через схему альтернативной маскулинности.

Повесть С. Орловой «Голова-жестянка» (2019) наглядно иллюстрирует попытку выйти за рамки устоявшихся гендерных стереотипов. Главным персонажем-инвалидом у Орловой выступает девочка Женя, получившая в результате падения тяжелые физические травмы. Показательно, что Женя описывается как «неправильная» девочка, «пацанка» (tomboy). Прозвище девочки также указывает на принадлежность к данной категории — «Женька-Жесть». Дж. Галберстэм подчеркивает тот факт, что присвоение девочкой образа томбоя не является трансгрессией по отношению к детской

феминности: «Если верить общим представлениям о детском поведении, феномен томбоя является довольно распространенным явлением для девочек и, как правило, не вызывает опасений у родителей. Поскольку аналогичное поведение с перекрестной идентификацией у мальчиков часто вызывает довольно истерическую реакцию, мы склонны считать, что женские гендерные отклонения гораздо более терпимы, чем мужские» [Halberstam 2018].

Именно тяжелая физическая травма исключает героиню из круга ее подруг: она начинает проявлять признаки гендерной неконформности: перестает краситься (т. к. макияж несовместим с тростью и хромотой), не устраивает «девчачиков» (озлобленность девочки отпугивает подруг), в силу самоизоляции и страха перед сверстниками становится агрессивной, увлекается роботехникой, дерется с мальчиками, то есть разрушает гендерные стереотипы, что соответственно вызывает беспокойство окружения. Для Галберстэма «томбойство, как правило, ассоциируется с „естественным“ стремлением к большей свободе и мобильности, которыми пользуются мальчики. Очень часто он рассматривается как признак независимости и самомотивации, и томбойство может даже поощряться до тех пор, пока оно остается комфортно связанным с устойчивым чувством идентичности девочки» [Halberstam 2018]. Женька же страдает вдвойне — от невозможности соответствия гендерной категории (до падения Женька вполне соответствовала феминному стереотипу) и от проявления инвалидизма со стороны взрослых.

Автор делает попытку выйти за рамки такого дискриминативного подхода, когда инвалид воспринимается не как отдельная личность. В своей повести Серафима Орлова исследует кроссгендерные пути решения конфликта через традиционные отношения подростковой дружбы мальчика и девочки.

Лучший друг Женьки, одноклассник по фамилии Приходько (или Приходька, как его называет героиня), ставший свидетелем несчастного падения подруги, не справляется с ситуацией — то есть тоже не соответствует своей гендерной роли. Здесь происходит качественный скачок от традиционной тимуровско-советской темы испытания/преодоления к представлению ситуации как таковой. Паника и шок не позволяют мальчику достаточно быстро вызвать помощь, что, возможно, усугубляет последствия травмы Жени. Подружки оказываются разделены бездной пугающих, непонятных им самим эмоций и феноменов: страха смерти — своей и чужой, гнева, чувства вины, войны родителей, судов, школьной травли. Взрослые, неспособные справиться с собственными негативными эмоциями,

оказываются бессильны помочь детям расшифровать сложную ситуацию, найти выход эмоциям, и тогда подростки выбирают единственный доступный и эффективный способ коммуникации друг с другом: агрессию. В отличие от переживаний Женьки, страдания мальчика остаются за завесой молчания, которой тот отгораживается от Женьки и от окружающего мира. Осознание того, что распадается героическая маскулинная схема (не спас / не смог / не справился), не позволяет мальчику идентифицироваться со своей гендерной категорией и заставляет ломать привычный кодекс поведения, как, например, в сцене драки между подростками:

Я пытаюсь встать третий раз. Приходька обеими руками толкает меня обратно в сугроб. Глаза Приходьки за очками ничего не выражают. Вот совсем ничего. Приходька выскальзывает из перчаток, как змея из кожи. Я вместе с перчатками опять оказываюсь в сугробе. Пассажиры на остановке с интересом косятся в нашу сторону. Уж на что у нас народ нелюбопытный, а и то обратили внимание. Жаль, никакой бабки нет, она бы быстро вмешалась в наши дела и заорала, *что нельзя обижать девочек* (курсив — К. С.).

Приходька делает резкий выпад, пытаюсь выхватить у меня телефон. Тут я наконец хватаю его за рукав и валю на себя. Он барахтается и пытается встать, но я держу его руками и ногами. Тогда он бьет меня головой в нос. Сильно. Его финская шапка смягчает удар, но все равно очень больно. Я ору, отпускаю его и хватаюсь за лицо... [Орлова 2019].

Весьма показательным кажется комментарий Э. Веркина в предисловии к повести:

Искренний мир детства категорически отторгает мир взрослых — пространство двоемыслия и стыдливых компромиссов. Собственно, это хорошо, ценность детской литературы в *ее гайдаровской бескомпромиссности* (курсив мой — К. С.) — за это и любим. Но бескомпромиссность вымысла из подростковых книг образ положительного взрослого, который впору заносить в литературную Красную книгу.

В «Голове-жестянке» хороший взрослый есть. А сама Женя, то по-детски капризная и вздорная, то по-взрослому мудрая, чем-то напоминает другую Женю, гайдаровскую. Правда, Серафима Орлова, как любой хороший писатель и писатель современный, к своей героине решительно безжалостна. Иногда даже кажется, что вырuling из сложившейся ситуации у Жени не получится никак. Зима. Лед. Предательство. Выхода нет [Веркин 2019].

Веркин сравнивает ситуацию подростков с привычной «гайдаровской» системой ценностей. Тем временем Женька Жесть никак

не вписывается в образ верной подруги Тимура: она действует, и действует активно, ломая поведенческие феминные коды. Ее цинизм и агрессия — это попытка прорваться за завесу отчаяния и чувства вины мальчика, которые тот преодолеть не может, оказываясь в свою очередь запертым внутри навязываемой ему маскулинной роли. Автор сознательно выводит героев за пределы тимуровской героической схемы, противопоставляя типичному для последней мотиву *испытания* идею жизненной *ситуации*, банального и трагичного несчастного случая. Ответная агрессия мальчика, не находящая обоснования внутри традиционной схемы, вызвана чувством беспомощности — это его своеобразная защита от вездесущей и напористой, отчаявшейся девочки. Согласимся, что трудно представить себе Тимура, бьющего тростью искалеченную Женьку и ломающего ей нос, ибо это однозначно, абсолютно *плохо* по тимуровской шкале ценностей. У Орловой этическая оценка неоднозначных, неприемлемых с точки зрения общей морали поступков подростков как бы выносятся за скобки. Взрослые здесь остаются представителями патерналистской общественной морали, но их оценка уже воспринимается как неадекватная, как, например, когда родители Приходько обвиняют Женьку в психологической травле сына.

Таким образом автор использует другую табуированную тему — тему негативных эмоций, выводя на новый уровень понимание инвалидизма. Читателя постепенно подводят к мысли, что несопоставимая с тимуровской маскулинной схемой поведения агрессия по отношению к Жене — на самом деле отказ от социальной (дискриминационной) идентификации — как гендерной (постулат «девочек не бьют»), так и ее статуса инвалида (постулат «лежащего не бьют»).

Во вступлении Веркина появляется и значимое для советского мировосприятия слово «предательство», отсылающее читателя к прозе Гайдара и шире — к советской детской литературе. Однако у Орловой подразумевается, что «предают» здесь скорее взрослые, не справляясь со своей родительской функцией: принять, объяснить, помочь. «Правильный взрослый» здесь — лицо нарочито постороннее, учитель по робототехнике, который выходит за рамки стереотипных установок, хотя бы потому что отказывается давать оценку ситуации и выносить суждение, предоставляя подросткам передышку — время, чтобы пережить травму, переосмыслить себя в непростом мире уже недетских взаимоотношений.

Здесь мы наблюдаем выход из стереотипной гендерной схемы через персонаж девочки с физическим, то есть визуально очерчен-

ным, увечьем и «запретными» для данной категории не «девчачьи» эмоциональными реакциями (агрессией, цинизмом): героиня ведет себя не просто как томбой, маскулинный персонаж, но еще и как «мальчиш-плохиш».

Тема эмоций, переживаний, страданий по поводу своей телесной — в данном случае — вечности и закономерных вопросов из категории «за что?» в целом широко представлена в подростковой литературе последних лет, где она служит фоном духовных исканий и испытаний рефлексирующего подростка на пути взросления и, в большинстве случаев, преодоления болезни как выхода из духовного и физического кризиса. Однако современные авторы делают попытки расширить спектр эмоций в негативную сферу, где появляются и гнев, и отрицание, и неприятие, и агрессия, обычно воспринимаемые в традиционной системе ценностей как *не совсем* или *совсем не* легитимные. Здесь достаточно типичные для подростков негативные эмоции направлены не на объект «праведного» гнева (родительские фигуры, других взрослых, или даже на самих себя), а во вне, и хуже того, на запретный объект — ребенка-инвалида.

Если в категории мальчиков тема сверхспособности связана с мотивом «синдромов», то у девочек практически единственный «синдромный» случай встречается в повести Д. Доцук «Голос» (2016), повествующей о девочке с посттравматическим синдромом и паническими атаками после теракта в Москве. С одной стороны, синдром посттравматического расстройства героини можно было бы включить в группу «внутреннего», невидимого девичьего недуга. Показательны психосоматические симптомы у девочки: страх и шок от пережитой трагедии погружают последнюю в немоту, то есть ей как бы отказывается в праве голоса (тогда как в повести «День глухого кита» в похожей ситуации герой теряет слух, то есть *отказывается* слушать других). В этой связи показателен конфликт героини с отцом, реагирующим на «слабость» дочери гневом и отрицанием. Родители не признают само наличие этой «невидимой» болезни, требуя от девочки совершить сверхусилие, как сделал бы гипотетический сын, то есть навязывают ей противоположный гендерный тип поведения:

Но иногда у железных людей рождаются самые обычные дети. А моему отцу не повезло вдвойне: у него дочь.

«Чуть что — сразу в слезы!» — цедит он и уходит. Ему противно видеть мои опухшие глаза, он даже не пытается это скрыть [Доцук 2016].

Показательно, что именно слабая — с точки зрения окружения — позиция девочки позволяет автору исследовать сложный процесс реабилитации психики. У героя Стрельниковой эмоции мальчика направлены вовне: это чувство обиды, непонимания, отрицания. Как только мальчику удается «подключиться» к эмоциям взрослых, его глухота исчезает. В повести Доцук девочка «заперта» внутри своего молчания, постоянно рефлексирова свои и чужие эмоции, ей отказывается в праве голоса, исходя из традиционной модели феминности:

Или мама права: я всегда была впечатлительной? Поэтому я и сломалась. Она прочитала где-то, что к паническим атакам склонны люди определенного типа: впечатлительные, замкнутые, те, кто сдерживают свои чувства и переживания. Там, внутри, эти чувства копятяся, и ноют, и однажды перерастают в настоящую болезнь. Но ведь умение сдерживать свои чувства — это хорошо, разве нет? [Доцук 2016]

Девочка постепенно учится вновь доверять близким (бабушке) и принимать помощь других людей (группа поддержки подростков), тогда как у Стрельниковой герою не удается идентифицироваться с группой ребят с повреждением слуха.

Гендерный стереотип феминной слабости-силы обыгрывается и через тему суицида, пусть и достаточно нерепрезентативного для данной подборки, но все же соотносящегося с группой девочек (два текста упоминают суицидальные наклонности девочек — главных героинь, тогда как мальчики с суицидальными наклонностями проходят фоном, как часть группы обсуждения проблемных подростков у Доцук).

Инвалидизм и инклюзивное воспитание

В советский период эмоциональная палитра, ассоциируемая с темой болезни ребенка, подчинялась соцреалистическому курсу: страдания индивидуума исключались в пользу общности коллектива и пафоса героического преодоления. Это касалось и вопроса негативных эмоций, потенциально направленных на ребенка-инвалида. Советская ментальность, яростно отрицающая любой физический изъян, наложила четкий отпечаток и на современное мировоззрение. Прочно устоявшаяся практика общественного осуждения встраивается в общую схему морального оценивания, когда мы не только знаем «что такое хорошо, и что такое плохо», но

и публично высказываем это. В таком контексте репрезентация психически или/и физически неполноценных детей, какую мы можем констатировать в практически всех текстах сборника «В каждом человеке солнце» (2019), оказывается встроена в не менее жесткую, чем советская, схему с позитивно-инклюзивной сентиментальной окраской мира «солнечных детей». Общий гиперпозитивный посыл сборника практически исключает опыт негативных эмоций — как у детей-инвалидов, так и у здоровых детей *по отношению* к инвалидам. Однако такой запрет на любую негативную реакцию на телесный аспект болезни или инвалидности оказывается в прямом противоречии с практикой взрослых, постоянно транслирующих обратный пример: физический и моральный облик должен соответствовать четким критериям.

Ребенок с психическим заболеванием физически отличается от других детей. Его описание сопровождается рядом телесных аспектов, которые в обыденной жизни детям преподносятся как недопустимые в обществе: пускание слюны, неконтролируемые движения и ряд других физиологических проявлений. Маленький читатель, ведомый предоставленным ему взрослой аудиторией поведенческим кодом, встраивается во взрослую схему публичного осуждения и отторгает неприятную ему картинку (отсюда отвращение, агрессия, травля).

В детской литературе негативные реакции на образ ребенка с синдромом Дауна или аутистическим спектром встречаются по большей части у мальчиков, что в свою очередь совпадает с маскулинной схемой мальчиков — хулиганов. У Е. Муршовой в повести «Дом за радугой» у прекраснородушного и во всех отношениях замечательного главного героя вид девочки Эли (по всей вероятности с синдромом Дауна, но это не озвучивается) вызывает вполне конкретную физиологическую реакцию: мальчика тошнит в буквальном смысле слова:

Но тут дело в том, что эта Эля меня выбрала. Как только она меня увидела, сразу начинала улыбаться и визжать радостно: «Дим-дим-дим!»

Ковыляет ко мне на своих толстых коротких ножках и ручки протягивает.

Тьюторы меня уговаривали не убежать и поиграть с ней. Я пробовал, но когда она меня своими мокрыми ручками трогает, меня сразу тошнить начинает. Я думал: если меня на нее вырвет, это ведь тоже нехорошо? [Муршова 2020]

Неоднозначность отношения взрослых к детям с психическими отклонениями читается и в идее «инклюзивной толерантности», преподнесенной автором через призму остранения, как чуждый и не совсем понятный ребенку принцип, никак не объясняемый ему взрослыми. «А вот потом мы с ними то и дело встречались в рамках инклюзивной толерантности. Что это такое, я не знал, но мне почему-то казалось, что „инклюзивная толерантность“ — это такие длинные зеленые сопли» [Там же].

Длинный набор прекрасных качеств главного героя умалчивает неуместность его реакции на неприятные детали детской неполноценности, тем более что он сам осознает, как «это нехорошо». Герою предстоит пройти через ряд испытаний и примириться с бескорыстной жертвой Эли, которая отдает за него жизнь, чтобы до конца интегрировать принцип принятия неидеального (физически и психически) человека в свою картину мира.

В большинстве случаев персонажи с умственной отсталостью или расстройствами аутистического спектра оказываются на периферии повествования, служа своеобразной моральной проверкой или же инициируя перемену в сознании главного героя. Негативные эмоции, направленные на ребенка инвалида, часто рассматриваются внутри семейного пространства, то есть в заведомо благоприятной среде. Например, в повести С. Орех «Твой брат Дун» (2019) Вовка, который сначала отвергает и стыдится младшего брата-инвалида, постепенно учится любить его. В повести А. Зайцевой (2019) «Белые флаги» девочка Женя испытывает неоднозначные эмоции в отношении больного младшего брата. «В настоящем мире ходят нормальные веселые люди, едут машины, самолеты летят в удивительные страны. Мне всего этого нельзя: руки прочь, воровка, твое место возле Дани» [В каждом человеке... 2019]. И Женя, и Вова чувствуют нелегитимность негативного отношения к братьям (тут важен и тот факт, что оба брата младше, то есть они «маленькие»). В обоих случаях им удается преодолеть это неприятие — Вовку спасает от гибели самоотверженный Дун, а Женя, встретившись лицом к лицу с инвалидизмом со стороны случайного попутчика, бросается на защиту брата. То есть негативные эмоции, направленные на обидчика, вытесняют собственную обиду на брата. Но даже если девочка отдает себе отчет в сложности эмоциональной ситуации, то ее сомнения тем не менее остаются без ответа: «Сложно объяснить, но я вроде права... и в то же время виновата. И непонятно, что с этим делать» [В каждом человеке... 2019]. В повести И. Богатыревой «Я — сестра Тоторо» (2020) главная героиня на-

прямую самоидентифицируется как сестра необычного мальчика, умоляет мать «не вылечивать» брата: «А я — сестра Тоторо. Не соседка и не подружка. И неважно, что мы не похожи. Главное — я его сестра. Вот кто, на самом деле, я» [Богатырева 2020].

Образ персонажей с психическими отклонениями воспринимается как буквально «неполноценный», и эта ущербность также компенсируется сверхкачествами. В «Доме за радугой» девочка с синдромом в итоге превращается в прекрасную виртуальную принцессу, примиряющую мальчика с ее отталкивающим видом (по той же схеме выстроены все умственно отсталые персонажи у Мурашовой в «Классе коррекции»). Как и Дун, самоотверженная и сверхэмпатичная девочка-даун жертвует своей жизнью, дабы спасти своего прекрасного принца, и эта финальная жертва завершает духовный путь исканий юного героя. Таким образом, преодолевая отторжение и неприятие телесных проявлений инвалидности, главные герои растут духовно («Разговор через стенку больничной палаты»).

Современная детская литература последнего десятилетия сделала значительный и несомненный прорыв в репрезентации физических и психических недугов ребенка, даже если ряд тем все еще остается в тени (анорексия, булемия, тяжелые хронические заболевания, детская смерть и т. д.), а телесный аспект увечно-го тела/духа ребенка по-прежнему пребывает в зоне табу, редко оказываясь центральным предметом повествования. Тема детской инвалидности позволяет авторам вынести в пространство общественного обсуждения важную и сложную тему дискриминации инвалидов, с одной стороны (в том числе и тему инвалидизма), и исследовать пространство альтернативных репрезентаций маскулинности и кросс-гендерного поведения — с другой.

Анализ гендерных ролей на фоне различных категорий травм и болезней свидетельствует о том, что гегемонная маскулинность по-прежнему диктует прочтение таких тем, как болезнь и инвалидность ребенка. Общество все еще не готово расстаться с образом прекрасной и беспомощной принцессы. Активные и сверхспособные мальчики-герои продолжают ломать ноги и преодолевать недуги, тогда как беспомощные, слабые и обездвиженные девочки остаются заточенными в ущербное тело, сиречь высокую башню. Взрослый мир представлен в современных текстах носителем традиционной, потерявшей актуальность шкалы ценностей, тогда как через персонажей-детей авторы делают попытку исследовать новые категории социальной идентификации.

Если телесный аспект инвалидности детей по-прежнему остается в зоне табу, то сфера эмоций позволяет расширить и переосмыслить непростые для современного общества темы. Категория феминности и связанные с ней модели поведения, такие как рефлексия, сверхэмпатия, чувствительность, самоотверженность, (как у девочек, так и у мальчиков) позволяют конструировать положительную репрезентацию инвалидности, тогда как артефакты маскулинности (негативные эмоции, агрессия, протест) — обозначить круг проблемных аспектов инвалидности и ее восприятия обществом.

Приложение 1. Выборка произведений советского периода

- 1932 Чуковский К. Солнечная.
1938 Каверин В. Два капитана.
1940 Катаев В. Цветик-семицветик.
1943 Кассиль Л. Держись, капитан.
1953 Матюшина О. Жизнь побеждает.
1956 Бруштейн А. Дорога уходит в даль.
1956 Новогрудский Г. Дик с 12-й Нижней.
1961 Ларри Я. Записки школьницы.
1962 Торбан Р. Заколдованная палата.
1963 Герчик М. Ветер рвет паутину.
1965 Крапивин В. Та сторона, где ветер.
1966 Мухина-Петринская В. Корабли Санди.
1968 Алексин А. Поздний ребенок.
1968 Макарова Е. Через каждые шесть дней — воскресенье.
1972 Крапивин В. Гвозди.
1974 Кальма А. Сироты квартала Бельвилль.
1975 Демькина Г. Птица.
1975 Ермолаев Ю. Дом отважных трусишек.
1975 Яковлев Ю. Вратарь.
1977 Лиханов А. Солнечное затмение.
1980 Алексин А. Раздел имущества.
1984 Богословский А. Верочка.
1985 Щербакова Г. Отчаянная осень.
1989 Лакшин В. Закон палаты.
1989 Михалков С. Фантик.

Приложение 2. Выборка произведений постсоветского периода

- 1992 Мурашова Е. Изюмка.
1994 Крапивин В. Самолет по имени Сережка.
2001 Крюкова Т. Костя+Ника.

- 2002 Романов В. Страдания юного хакера.
2003 Позднякова И. Когда весь мир как будто за горой.
2005 Сестры Воробей. Я тебя не вижу.
2007 Мурашова Е. Класс коррекции.
2007 Назаркин Н. Изумрудная рыбка.
2009 Лиханов А. Мальчик, которому не больно.
2009 Петросян М. Дом, в котором...
2011 Вильке Д. Грибной дождь для героя. Сборник. Содерж.: Тысяча лет тишины; Туманность Архипкина.
2012 Самарский М. Радуга для друга.
2013 Анисимова А. Невидимый слон.
2013 Зартайская И. Я слышу.
2013 Назаркин Н. Мандариновые острова.
2013 Никольская А. Порожек // Валя offline: [сборник]
2015 Варфоломеева С. Машка как символ веры.
2015 Венедиктова Ю. Армас. Зона надежды.
2016 Дашевская Н. Я не тормоз.
2016 Доцук Д. Голос.
2016 Кузнецова Ю. Выдуманный жучок.
2016 Тополь Э. Стрижи на льду.
2017 Вербовская А. Ангел по имени Толик.
2017 Нагаева С. ХромоСоня.
2017 Рудак В., Ужинова Л. Я — слон.
2017 Руднева А. Чудик.
2018 Дашевская Н. День числа Пи.
2018 Решенина С. Мама, это шноркели!
2019 Беленкова К. Я учусь в четвертом КРО.
2019 В каждом человеке солнце.
2019 Жвалевский А., Пастернак Е. Минус один.
2019 Мурашова Е. Обратно он не придет.
2019 Орлова С. Голова-жестянка.
2019 Пономарев Н. Точка бифуркации.
2019 Стрельникова К. День глухого кита.
2020 Бодрова Е. Белая. Разговор через стенку больничной палаты.
2020 Мурашова Е. Дом за радугой.
2020 Вишнякова Н. Не плачь.
2021 Богатырева И. Я — сестра Тоторо.

Примечания

¹ Веб-интерфейс, предоставляющий доступ к полнотестовому поиску по ДетКорпусу, доступен по адресу: <http://detcorpus.ru>.

² Здесь и далее источники цитируются по ДетКорпусу.

³ Здесь и далее перевод с английского языка выполнен автором статьи.

Литература

Источники

Богатырева 2020 — Богатырева И. С. Я — сестра Тоторо: повесть: для среднего и старшего школьного возраста / худож. Н. Спиренкова. М.: Детская литература, 2020.

В каждом человеке солнце... 2019 — В каждом человеке солнце: [сборник рассказов литературного конкурса о детях-инвалидах / ред. М. Семенова]. М.: Кетлеров, 2019. URL: <https://www.litres.ru/sbornik/v-kazhdom-cheloveke-solnce>

Дашевская 2018 — Дашевская Н. С. День числа Пи. М.: Самокат, 2018.

Дашевская 2016 — Дашевская Н. С. Я не тормоз. М.: Самокат, 2016. (Встречное движение).

Доцук 2016 — Доцук Д. С. Голос. М.: Самокат, 2016. (Встречное движение).

Крапивин 1994 — Крапивин В. П. Самолет по имени Сережка // Тополияная рубашка / В. Крапивин. Нижний Новгород: Нижкнига, 1994. С. 373–509.

Мурашова 2020 — Мурашова Е. В. Дом за радугой. М.: Самокат, 2020.

Орлова 2019 — Орлова С. Ю. Голова-жестянка. М.: КомпасГид, 2019.

Попова 2019 — Попова Т. Тот, кто спасает: Из переписки ВКонтакте // В каждом человеке солнце: [сборник рассказов литературного конкурса о детях-инвалидах / ред. М. Семенова]. М.: Кетлеров, 2019. URL: <https://www.litres.ru/sbornik/v-kazhdom-cheloveke-solnce>

Стрельникова 2019 — Стрельникова К. И. День глухого кита / худож. К. Толстая. СПб.; М.: Речь, 2019. (Добавь в друзья).

Исследования

Афанасьев, Бреева 2017 — Афанасьев А. С., Бреева Т. Н. Гендерный аспект изучения литературы: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2017.

Доминелли 2004 — Доминелли Л. Гендерно нейтрально? Женский опыт инвалидности // Журнал исследований социальной политики. 2004. № 1 (2). С. 29–52.

Ерофеева 2011 — Ерофеева Н. А. Гендерная педагогика — педагогика возможностей личности // Образование в Кировской области. 2011. № 2 (18). С. 7–11.

Здравомыслова, Герасимова, Троян 1998 — Здравомыслова Е., Герасимова Е., Троян Н. Гендерные стереотипы в дошкольной детской литературе: русские сказки // Преображение. Феминистский журнал. 1998. № 6. С. 65–77.

Маслинский, Лекаревич, Алейник 2021 — Маслинский К., Лекаревич Е., Алейник Л. Корпус русской прозы для детей и юношества // Репозиторий открытых данных по русской литературе и фольклору, 2021. Версия V1. DOI: 10.31860/openlit-2021.4-C001.

Сенне 2020 — Сенне К. Советское детство: история болезни. Тема инвалидности в советской детской литературе (1930–1990-е гг.) // Детские чтения. 2020. № 1 (17). С. 90–114. DOI: 10.31860/2304-5817-2020-1-17-90-114.

Стрельник 2013 — Стрельник Е. Гегемонная маскулинность и инвалидность: конфликты идентичностей и ресурсы их преодоления // Способы быть мужчиной: Трансформации маскулинности в XXI веке / ред.-сост. И. Н. Тартаковская. М.: Фонд имени Генриха Белля; Звенья, 2013. С. 216–224.

Уткина 2013 — Уткина О. А. Гендерный аспект в детской литературе: что читают мальчики? // Педагогическое образование в России. 2013. № 6. С. 252–256.

Halberstam 2018 — Halberstam J. An Introduction to Female Masculinity: Masculinity without Men // Female Masculinity / J. Halberstam. Durham: Duke University Press, 2018. DOI: 10.1215/9781478002703-001.

References

Afanasyev, Breeva 2017 — Afanasyev, A. S., Breeva, T. N. (2017). Genderный аспект izucheniya literatury: uchebnoe posobie [Gender Aspect of Literature Study: Study Guide]. Moscow: Flinta: Nauka.

Dominelli 2004 — Dominelli, L. (2004). Genderno neytral'no? Zhenskiy opyt invalidnosti [Gender neutral? Women's Experience of Disability]. Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki, 1 (2), 29–52.

Halberstam 2018 — Halberstam, J. (2018). An Introduction to Female Masculinity: Masculinity without Men. In J. Halberstam (Ed.) Female Masculinity. Durham: Duke Univ. Press. DOI: 10.1215/9781478002703-001.

Maslinsky, Lekarevich, Aleynik 2021 — Maslinsky, K., Lekarevich, E., Aleynik, L. (2021). Korpus russkoy prozy dlya detey i yunoshchestva [Corpus of Russian prose for children and youth] Repozitoriy otkrytykh dannykh po russkoy literature i fol'kloru, 2021. Version V1. DOI: 10.31860/openlit-2021.4-C001.

Senne 2020 — Senne, K. (2020). Sovetskoe detstvo: istoriya bolezni. Tema invalidnosti v sovetskoy detskoj literature (1930–1990-e gg.) [Soviet childhood: a case history. Disability theme in Soviet literature for children (1930-1990s)]. Detskie chteniya, 1 (17). DOI: 10.31860/2304-5817-2020-1-17-90-114.

Strel'nik 2013 — Strel'nik, E. (2013). Gegemonnaya maskulinnost' i invalidnost': konflikty identichnostey i resursy ikh preodoleniya [Hegemonic masculinity and

disability: conflicts identities and resources to overcome them]. In I. N. Tartakovskaya (Ed.), *Sposoby byt' muzhchinoy: Transformatsii maskulinnosti v XXI veke.* (pp. 216–224.) Moscow: Heinrich Foundation Böll, Zvenya Publishing House.

Utkina 2013 — Utkina, O. A. (2013). Gender aspect in children's literature: what the boys read? [Gendernyy aspekt v detskoj literature: chto chitayut mal'chiki?]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, 6, 252–256.

Yeroffeyeva 2011 — Yeroffeyeva, N. A. (2011). Gendernaya pedagogika — pedagogika vozmozhnostey lichnosti [Gender pedagogics — pedagogics of a personality's opportunities]. *Obrazovanie v Kirovskoy oblasti*, 2(18), 7–11.

Zdravomyslova, Gerasimova, Troyan 1998 — Zdravomyslova, E., Gerasimova, E., Troyan, N. (1998). Gendernye stereotipy v doshkol'noy detskoj literature: russkie skazki [Gender stereotypes in preschool children's literature: Russian fairy tales]. *Preobrazhenie. Feministskiy zhurnal*, 6, 65–77.

Katia Cennet

University of Clermont Auvergne

GENDER, BODIES AND DISEASE IN CONTEMPORARY
CHILDREN'S LITERATURE

For modern Russian society, the topic of childhood illness and disability remains one of the most problematic and tabooed. This study used the example of contemporary Russian children's literature to trace the evolution of the topic of childhood illness and trauma through the prism of cultural representations of masculinity and femininity, as well as cross-gender strategies for children's behavior in situations of trauma, illness or disability, both their own and those of others. The official Soviet discourse on disability focuses on bodily injuries and, as a consequence, on the incapacity of people of this category to be full members of the society as such, regardless of their gender. In Soviet space children with disabilities would work for the benefit of the collective, pursuing the ideal of the heroic overcoming of disability, and following the example of Alexei Meresiev and Pavka Korchagin. In the 21st century, cultural attitudes regarding the problem of children's disability — one of the most ambiguous and complex issues of our time — are undergoing significant changes, which are reflected in literary contemplations. The article investigates the strategies used to overcome established patterns, and offers to examine the types and natures of boys' and girls' illness. Is the gender division into two separate groups effective for making sense of the story in contemporary space? How do the notions of femininity and masculinity allow us to rethink and expand the perception of a child's disability?

Keywords: disability, ableism, trauma, illness, gender, masculinity, femininity